

## ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК. ДРЕВНИЕ ТЮРКИ

*В.А. Кисель*

### ЗАМЕТКИ ЕКАТЕРИНЫ ДМИТРИЕВНЫ ПРОКОФЬЕВОЙ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ПАМЯТНИКЕ НА ОЗЕРЕ ТЕРЕ-ХОЛЬ В ТУВЕ

Тере-Хольский кожуун Республики Тыва — одно из самых труднодоступных таежных мест этого региона. На сегодняшний день его единственным крупным населенным пунктом является п. Кунгуртуг, расположенный близ мелководного оз. Тере-Холь<sup>1</sup>. Окрестности поселка изобилуют археологическими памятниками. Несколько лет назад в результате обрушения берегов озера было выявлено несколько погребений монгольского времени [Кисель, Торгоев, Шыырап 2007]. Не исключено, что эти захоронения имеют какое-то отношение к остаткам сырцовой крепости-монастыря Пор-Бажын (глиняный дом) — самой знаменитой достопримечательности Тере-Холя.

В 1957 и 1963 гг. С.И. Вайнштейн провел частичные раскопки этого памятника. Полученные материалы позволили предположить, что Пор-Бажын являлся дворцом-крепостью уйгурского кагана Баян-чора, построившего его в 750 г. [Вайнштейн 1964: 113].

В апреле 2007 г. начал осуществляться крупномасштабный проект, инициированный министром МЧС России С.К. Шойгу, включающий археологические раскопки крепости и реконструкцию ее архитектурных сооружений.

---

<sup>1</sup> Историю и современное состояние этого района Тувы см.: [Кисель, Торгоев, Шыырап 2005].

Именно Пор-Бажыну посвящены заметки видного сибиреведа, ученицы Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораза Е.Д. Прокофьевой (1902–1978). Большинству исследователей она известна как крупнейший специалист по этнографии селькупов и ненцев, и практически забыто, что она стала «пионером этнографического изучения Тувы» [Решетов 1979: 188], точнее — Тувы советского периода. Е.Д. Прокофьева в 1952, 1953 и 1955 гг. совершила крайне сложные экспедиции в тогдашнюю Тувинскую автономную область РСФСР, где собрала объемный материал по родоплеменному составу тувинцев, формированию тувинской культуры, бытовой и духовной жизни населения [Хомич 2004: 46]. К сожалению, из-за сложившейся ситуации в Ленинградской части Института этнографии АН СССР (учреждение, где Е.Д. Прокофьева проработала более двадцати лет) только несколько небольших работ исследовательницы, посвященных Туве, вышли в свет [Прокофьева 1954, 1954а, 1955]. Фундаментальная монография «Процесс национальной консолидации тувинцев» так и не была издана, оставшись в рукописном варианте [АМАЭ РАН. Ф. К–I, оп. 1. № 560, 561, 562]. **Заметки о Пор-Бажыне входят в приложение к монографии.**

В публикации сохранены стилистические особенности, пунктуация и правописание оригинала. Исправлены только очевидные опечатки.

Е.Д. Прокофьева

Крепость на оз. Тере-холь<sup>1</sup> известна всем тувинцам. Она расположена на одном из многочисленных островов этого озера. Добираться до острова очень трудно в летнее время, т.к. берега озера сильно заболочены. От поселка Кунгуртук до озера 7 км. Ближайшее расстояние по воде 2 км. Дело осложняется тем, что местные тувинцы-колхозники не имеют ни одной лодки. Для рыбалки пользуются «салом» — плотом из бревен. Нам в 1955 г. не удалось побывать в крепости, т.к. плот был угнан на далекий берег, где находилась МТФ колхоза, и перегонялся на покосы, такие далекие от острова, где стоит крепость. Мы наблюдали крепость только с самолета на пути в Кунгуртук и обратно.

В настоящее время крепость представляет собой быстро разрушающиеся развалины. По словам местных тувинцев, еще не так давно стены крепости были значительно выше, видны были на стенах узоры и письмена. Теперь стены упали. В крепости местное население нахо-

---

<sup>1</sup> Оз. Тере-холь тувинцы не переводят как «небесное (священное) озеро». Согласно легендам это название переводят «Вот-озеро (см. ниже). Старики рассказывают, что озеро никогда не считалось священным, как, например, Тоджи-куль (ныне Азас) в Тодже. Ни ламы, ни шаманы не запрещали ловить там рыбу и т.п.

дило обломки глиняных сосудов, различной формы кувшины. Тувинцы определяют, что это была фарфоровая китайская посуда. Наши поиски указанной посуды у населения были безуспешны. Разрушению остатков крепости способствует то обстоятельство, что зимний путь в Тере-холь из пос. Знаменка (районный центр Каа-Хема; по тувински поселок называется Сарыг-Сеп) идет мимо крепости. На острове обычно проезжие обозы делают остановку, отдыхают, варят чай и т.п. и, конечно, навещают развалины.

<...> Известия, возможно, об этой крепости имеются в рукописном атласе Ремезова (XVII в.), находящемся в Румянцевском музее в Москве<sup>1</sup>. На этой карте Енисей показан вытекающим из оз. Далай-нор, к западу от озера помещены особые знаки, при которых имеется надпись «Город каменный, старый, две стены целы, а две развалились».

Нами в 1955 г. записан ряд вариантов легенды об этой крепости от старожилов-тувинцев стариков.

### Предания о крепости на оз. Тере-холь (ныне в Каа-хемском районе, Шына́нском сельсовете)

#### I. Сообщил Шойдып Иргит.

Строил эту крепость Ильчиген чигиты хан. У хана были очень длинные уши. Брил его каждый раз другой человек, так как хан не желал, чтобы кто-либо знал об его ушах. При бритье уши завязывались то на лбу, то на затылке. Раз побрившего его человека хан убивал. И вот жила одна женщина; был у нее сын. Хан позвал его брить себе голову. Перед тем как сыну идти к хану, мать надоила четыре чашки молока из своих грудей, высушила и дала сыну этот «курут» — свое сухое молоко и сказала: «Когда будешь брить хана, то разок, другой побрей, потом съешь кусочек этого курута». Сын пошел брить хана. Так и делал, как сказала ему мать. Хан (царь) спросил его: «Что ты делаешь? Что ешь? Брить так брить! А ты все ешь». «Я ем курут». Царь попросил у него курута попробовать. Дал царю кусочек. Тот съел и сказал — «вкусно!» Так и брил. Пока брил лоб, уши были завязаны на затылке. Когда брил затылок, уши завязывали на лбу. Царь попросил еще курута. Дал. Царь спросил его: «Из чего сделан этот курут?» — «Из молока моей матери». Царь сказал: «Я ем курут из молока твоей матери. Теперь ведь мы с тобой родные». И царь не убил его. «Только ты никому не говори, что у царя длинные

<sup>1</sup> По Потанину. Очерки... т. III, с. 144. (Очерки Северо-западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 годах по поручению Императорского Русского Географического Общества членом-сотрудником оною Г.Н. Потаниным. Вып. I–IV. СПб., 1881, 1883. — В.К.)

уши». Сын ушел. Жил, никому секрета не говорил. И вот стал парень болеть. Живот его стал расти, совсем большой стал живот. Тогда мать сказала ему: «Ты людям секрет царя не говори, а в уме своем потихоньку скажи». Сын так сделал. Не помогло ему. Тогда мать сказала: «Ты людям про уши царя не говори, а потихоньку суслику и пролетающей птице очень тихо скажи: «У царя длинные уши». Сын так и сделал и поправился.

Вот раз гуляет царь и слышит, кто-то тихо говорит: «Ильчиген чигиту...» Царь обернулся — нет никого. А это суслик сказал. Потом опять слышит: «Ильчиген чигиту...» Это пролетающая птица сказала.

Царь подумал, что теперь все люди узнали, что он не царь, а зверь, и решил, что дальше тут жить ему нельзя.

В крепости был колодец. Его всегда закрывали крышкой. И один раз слуга не закрыл колодца, и в нем появилась рыба. Сказали об этом царю. Он совсем испугался и твердо решил откочевать. Ушел царь со своим народом в горы, через хребет Мотцын. Когда уходил, оглянулся, а за ним, на том месте, где крепость стоит, уже море. Ушел он, кажется, к дархатам. Там 18 лет жил в подземелье.

Парень тот, его родственник, с ним вместе, верно, ушел и жил.

Пос. Кунгуртук. Август 1955 г.

II. Крепость построили китайцы (кытат). Люди, жившие в ней, пришли из Китая. Во главе их был хан. Так как крепость была на суше, то для снабжения ее водой однажды люди вырыли в крепости колодец. Опустили в него ведро, и... в ведро попала рыба. Люди, жившие в крепости, рыбу не ели, считали ее червем «-курт». Хан узнал об этом, испугался и решил покинуть крепость. Ушел хан со всеми своими подданными, так же как и пришел, в хребты Хан-тайги, а оттуда дальше, на юг. Когда уходил, то обернулся назад взглянуть на свою крепость (или его помощник обернулся) и увидел, что всю крепость и долину залило водой из колодца. Осталась только сама крепость. Хан и сказал тогда: «Тере-холь» — «это озеро». По другому толкованию он сказал: «Теере-холь!» — Небесное озеро. Так за озером это название и осталось.

III. Панчин Кыргыз Тандук, 64 г., родился на Балыктыг-Хем, живет пос. Кунгуртук.

Давно, давно из Индии или из Китая пришел со своим народом хан Арбисаан. Он долго здесь жил. У его народа не было другого скота, только одни ослы (ильджиген).

Арбисаан построил крепость, в защиту от людей здесь живших, которые не признавали ни его, ни его народ, и нападали на него. В крепости не было воды. Хан велел вырыть колодец. Когда работники, рывшие колодец, дошли до воды, то вода стала быстро подниматься и, наконец, вышла из краев и стала заливать крепость. Едва успели увести народ и скот. Этот хан и его народ ушли в Хангылак по хребту, который потом стали называть по этому случаю (что хан по нему ушел) «Хан-тайга».

На стенах крепости были надписи. До революции здесь, в Чирганды, жили два знатные, ученые китайцы по имени Шартай и Шоккар. Они пытались прочитать эти надписи и не сумели.

Пос. Кунгуртук, август 1955 г.

Подобные легенды о крепости на оз. Тере-холь в Туве были записаны Паткановым во время его путешествия в Сев.-западную Монголию и Туву в 1876–1879 гг.

По одной из легенд Эльджиген-джигит (чиктей) хан был одним из трех ханов, живших некогда в Дархатской земле<sup>1</sup>. Он имел ослиные уши. После обнаружения его уродства он ушел вовсе из Дархатской земли. Эта легенда рассказана дархатом с р. Шишкит. Различные урянхайцы (тувинцы. — *Е.П.*) рассказывали Потанину о том, что «Эльджиген-джигит хан жил на озере Терь-Нор (Тере-холь. — *Е.П.*), где на середине, на острове был его двор (ханшин), сложенный из глины. От него-то и получили название урянхайцы кости Эльджиген, живущие в верхней части долины р. Хук»<sup>2</sup>. Хукские урянхайцы разъясняли, что главная ветвь Эльджигенов находится между Сартулами, под ведомством Гуна. Потанин справедливо замечает, что речь идет об эльджигенах большого монгольского хошуна Лу-гуна<sup>3</sup>. Этот хошун управлялся князем Гун, предок которого имел ослиные уши<sup>4</sup>, тщательно скрывая это обстоятельство<sup>5</sup>. Бривших его людей казнил.

Легенды об этом предке, приводимые Потаниным, совпадают в основном с собранной нами по ряду моментов. Эти легенды рассказаны Потанину жителями соседних с Эльджиген-хошуном территорий — хошун Сартаул (Сартул, Сартол). Полное название этого населения Сартол

<sup>1</sup> Два другие хана — Чингис-хан и Сайан-хан. Потанин. Очерки... т. IV, с. 295.

<sup>2</sup> Потанин. Очерки... т. IV, с. 296.

<sup>3</sup> Второй хошун Эльджигенов «малый Эльджиген» или Ирине ба Эльджиген (Там же, с. 293).

<sup>4</sup> Эльджиген по монг. осел; джигетей — дикий осел, ильджиген осел — по тувински — монгол.

<sup>5</sup> Потанин. Очерки... т. II, гл. 1, с. 22.

(Сартагол) эльджигены<sup>1</sup>. Хошун находится на правом берегу среднего течения р. Дзабхына. На западе он граничит с хошуном в аймаке Дзасактухана и заселял оба склона хребта Хан-хухей и правый берег р. Дзабхына. На севере граничит с землями Саитов.

О монголах-эльджигенах приводится в Истории Монголии рассказ Рашид Эддина, приведенный Потаниным. Некто Мисер-улюк женился на вдове-китайке Таухуа, выехавшей из Китая на осле искать себе жениха. В память об этом животном дети их брака стали называться ослами<sup>2</sup>. Уже во времена Потанина это название монголы считали для себя обидным. В наше время, да и в его время, это название было пересознано, стало синонимом «глупый». Потому в некоторых вариантах (у Потанина. Очерки... т. IV, с. 296) **Эльджиген-хан характеризуется как глупый хан — «тенек хан».**

Эти легенды увязывают эльджигенов-монголов с костью эльджиген хукских урянхайцев. Об этих последних Потанин пишет: «Независимый от огурта князей отрывок Урянхайского народа обитает в долине р. Хука. Они подчинены Хотогойтскому Биширилты ванну и управляются дзайсаном... В хошуне считаются 3 кости Джокду (Чогду. — *Е.П.*), Зот (Чод. — *Е.П.*) и Эльджиген».

По их показанию они платили присылаемому от Шитырвана тамылу в летнем среднем месяце так называемый «сонгодык», состоящий из кобыл, соболей и рысей. Зимой с них собирали в пользу тамыла (чиновника) «шусек». Сами себя хукские урянхайцы называли (как и карагасы) Туфа или Туха. Из описания (очень краткого) Потанина их одежды женской и причесок явствует, что в этих элементах материальной культуры у них сохранились мингитские элементы, наблюдаются и халхаские.

Таким образом, в легендах об Эльджиген-хане отражены переселения группы монголов с запада на северо-восток, появление их на урянхайских землях.

В других легендах, записанных Потаниным, содержатся иные совпадающие моменты с нашими легендами. Так, в варианте «е» говорится, что Тенек-хан — Эльджеген-хан жил на Терьхуне ~ Терь норе (Терехёле. — *Е.П.*) или просто на озере, как его называют дархаты «тогда, когда там не было еще ни озера, ни леса». Воду брали из колодца<sup>3</sup>. Это указание легенды полностью согласуется со всеми вариантами, записанными нами, а также и с показаниями ныне живущих стариков-тувинцев о постепенном обводнении долины. Указанное обстоятельство

<sup>1</sup> Потанин. Очерки... т. II, гл. 1, с. 22.

<sup>2</sup> Истор. Монголии, введение I, с. 156. Цит. по Потанину, Очерки... т. II, прим. 62, с. 8.

<sup>3</sup> Потанин. Очерки... т. IV, с. 296.

очень важно не только для географов (и гидрологов), но и для историков, долженствующих изучать этот памятник-крепость. Объяснить цель постройки этой крепости, исходя из ее расположения на сегодня, трудно. Крепость стоит в почти недоступном месте во все сезоны года, кроме зимы. Такое расположение явно стратегически невыгодно для ее строителей. При таком обилии воды около крепости трудно понять необходимость сооружения колодца.

Живущие сейчас около Тере-хёля старики-тувинцы помнят, что на заболоченных ныне берегах озера, в дни их молодости стояли юрты и кошары. Места были сухие.

Нам представляется несомненным, что крепость была выстроена на суше и лишь затем была затоплена. По реплике Эльджиген-хана о появлении леса на этих территориях «земля испортилась, лезет из нее какая-то колючка вместо доброй травы» можно судить, что хан и руководимый им народ были животноводы, которые были заинтересованы в «доброй траве», а не в лесе. Представление о рыбе как о чем-то нечистом (о черве), от чего «портится вода», свойственно монголам.

Из всего приведенного выше, можно сделать заключение о том, что некогда часть жителей хошуна «большого Эльджигена» (хошуна Гуна, что тождественно) откочевала со своих земель по р. Дзабхын, с хребта Хан-хухей и, пройдя на восток, частично осела на р. Хук смежно с урянхайскими Зот'ами (Чоду. — *Е.П.*). Возможно, что они временно занимали и долину оз. Тере-хёль. Но здесь они встретили сопротивление урянхайских племен, населявших многочисленные отроги восточных Саян, Сангилена. Эти племена были охотниками и оленеводами. Вспомним, что по указанию стариков Саянов, Иргит, живущих и сейчас на этих территориях, вся восточная Тува (т.е. современный Тоджинский район, все четыре сельсовета Тере-хёля) недавно еще в народе назывались Улуг-Тоджа. Это название свидетельствует о том, что основным занятием здесь было оленеводство.

Возможно, это сопротивление и вызвало уход эльджигенов далее, к Косо голу. Различие в культуре животноводов и охотников-оленеводов, столкнувшихся на этих землях, в прошлом вызывало взаимно-пренебрежительное отношение. Об этом красочно пишет Рашид Эддин<sup>1</sup>.

Говоря о лесных урянкатах, о приручении ими оленей, доении и т.п., он замечает «они (лесные урянкаты) считали большим пороком пастьбу баранов до такой степени, что если отец и мать ругали дочь, то говорили: мы отдадим тебя такому человеку, у которого тебе придется ходить

---

<sup>1</sup> Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 1 / Пер. Л. Хетагурова. М.; Л., 1952, с. 123–124.

за баранами. Она же до крайности огорчалась так, что от огорчения и скорби вешалась... Мнение их таково, что не бывает лучше этой (т.е. их. — *Е.П.*) жизни, и что нет никого блаженнее их. <...>

Они думали так, что если люди обитают в городах, областях и равнинах, то они пребывают в тяжком мучении.

Отсюда эпитет хану Эльджигену, не понимающему пользы леса, рыбы — «тенек» (глупый) хан, даваемый охотниками оленеводами, для которых лес и реки были главными источниками жизни.

Ко времени Потанина эльджигены уже долгое время жили в одном хошуне (к тому же урянхайском хошуне) с группами Джокду (Чогду. — *Е.П.*) и Зоту/Зот (Чоду. — *Е.П.*), т.е. с таежными (ныне считающиеся в основе) монгольскими первые<sup>1</sup>, и тувинскими охотниками-оленеводами, вторые. В процессе совместного проживания монголы Эльджиген освоили таежную охоту, но привнесли в занятия тувинцев разведение лошадей. Это предположение вытекает из дани, которую Хукские урянхайцы платили Шидырвану — кобыл, соболей и рысей, т.е. продукцию таежного промысла. Оленеводством они, по-видимому, не занимались, однако охота требовала транспорта. Поэтому от животноводства у них сохраняется коневодство. От тувинских племен они приняли и название Туфа ~ Туха. По-видимому, они близко соприкасались с карагасами, имевшими тоже общее самоназвание, в состав которых также вошли кости Ак и Кара Чогду.

Интересным является указание Потанина о том, что Хукские урянхайцы причисляют к своему народу и дархат, причисляя сюда и шобинские отуки. Эти утверждения Хукских урянхайцев правильны, поскольку к дархатам относятся такие группы (кости), как Уха (или Хуа ~ Каа — меньший) Дархат<sup>2</sup>, Хар (Хара ~ Кара. — *Е.П.*) Дархат, т.е. по нашему предположению урянхайские группы, которых мы и ныне встречаем в горно-таежной Тодже. Это тоджинская группа Таргат, по имени которой, по-видимому, и названы хребты Эргик Тарган-тайги. «Дархат» является по-монгольски озвонченным вариантом этого этнонима. <...> Г. Палкин сообщает, что дархатские шаманы призывают онгонов на урянхайском языке. Нам думается, что это относится к шаманам, ведущим свое родство от урянхайских родов, а не вообще ко всем дархатам.

<sup>1</sup> Современные тувинцы восточной Тувы Саяны, Иргит и другие прекрасно различают группу Чоду и Чогду. Первые считаются ими тувинцами, вторые — монголами. Последних в настоящее время на территории ТАО лишь единицы.

<sup>2</sup> Термин Уха/Хуа/Каа — значит «меньший», Кара- прибавляется к названию кости младшей (потомство младшего брата), можно предположить, что главной «старшей» (Ак-акка) считались Таргат, оставшиеся в Туве, тогда как части кости выселившиеся получили название младших.



Таким образом, и Хукские урянхайцы, и дархаты сложились в результате слияния урянхайских (тувинских) таежных групп Таргат, Чоду ~ Чогду с пришедшими из северной Монголии монгольскими племенами, Эльджигенов в частности.

С обеими группами тувинцы до последнего времени поддерживали самые тесные связи. И лишь с усилением процесса консолидации тувинцев в самой Тувинской автономной области, с возникновением оседлых культурно-хозяйственных центров, около которых концентрируется и оседает ранее кочевое население Тувы, эти связи прервались. Встает вопрос — когда же происходило это продвижение монголов с территорий северной Монголии, чем оно вызывалось?

Выход монгольских родов на восток происходил, судя по легендам, собранным Потаниным при борьбе Бошохту (Бошухуту, Бошко-Галда-Бошко)-хана с Хайнь (Сайн)-ханом. Потанин предполагает, что Бошохту-ханы были те самые, «которые у нас известны под названием Алтын-ханов»<sup>1</sup>.

Предположение это основано на совпадении названия местностей, связанных с именем этого хана и Алтын-хана. Например, «местность к югу от Улагома между западным мысом хребта Тухтуген-куру и горами, из которых вырывается р. Харкита, представляет собой равнину, занятую пашнями. Среди этой равнины имеется одиночная скала Алтын-дзюрку. Здесь, по словам дюрбютов, была резиденция Бошохту-хана, здесь же по русским отпискам была ставка Алтын-ханов».

## Библиография

- Вайнштейн С.И. Древний Пор-Бажин // СЭ. 1964. № 6. С. 103–114.
- Кисель В.А., Торгоев А.И., Шыырап О.К. Тере-Хольский кожуун: история и современность // Музей в XXI веке: проблемы и перспективы. Кызыл, 2005. Ч. I. С. 49–53.
- Кисель В.А., Торгоев А.И., Шыырап О.К. Археологические разведки в южной и юго-восточной Туве (В печати).
- Прокофьева Е.Д. Социалистическое строительство в Тодже // Уч. Зап. Тувинского НИИ языка, литературы и истории. Кызыл, 1954. Вып. 2.
- Прокофьева Е.Д. Работа Тувинского отряда Саяно-Алтайской экспедиции // КСИЭ. 1954а. Вып. XX. М., С. 8–16.
- Прокофьева Е.Д. Некоторые этнографические данные о тувинцах западных районов Тувинской автономной области // КСИЭ. М., 1955. Вып. XXIII. С. 3–18.
- Решетов А.М. Памяти Екатерины Дмитриевны Прокофьевой // Изв. Сибирского отделения Академии наук СССР. Сер. общественных наук. Вып. 3. № 11. Новосибирск, 1979. С. 187–188.
- Хомич Л.В. Екатерина Дмитриевна Прокофьева — исследователь традиционной культуры селькупов // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 2004. Вып. 10–11. С. 44–51.

---

<sup>1</sup> Потанин. Очерки... т. II, с. 75.